{AKCW pp. 396/369-407/380}

--------23

ПРЕДИСЛОВИЕ в соавторстве с М. Кендиг (датировано июнь 1942)

Анализ Теории Значения. Монографии по Общей Семантике, Номер III, 1942, сс. {оригинала} vii-xvi.

Примечание от редакции: МАТЕРИАЛЫ МОНОГРАФИИ III (не приведённые здесь)

Thomas Clark Pollock, “A Crtique of I. A. Richards’ Theory of Language and Literature”

John Gordon Spaulding, “Elementalism: The Effect of an Implicit Postulate of Identity on I. A. Richards’ Theory of Poetic Value”

Allen Walker Read, “The Lexicographer and General Semantics”

{Оригиналы монографии нашёл только здесь по цене ~ $50: https://www.deepdyve.com/lp/wiley/pollock-thomas-clark-spaulding-john-gordon-and-read-allen-walker-a-uecbCKBe23}

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема данных материалов не требует представления тем, кто занимается преподаванием языка, языкознания или литературоведением. Мы пишем это предисловие с целью показать, почему считаем данную монографию важной.

Её важность обусловливается тем, что традиционная система человеческой оценки обессиливает от неадекватности. Чтобы выйти из текущего, казалось бы, безвыходного положения замешательства и недоумения, и отойти от узких и неэффективных традиционных методов, нам прежде всего следует избавиться от ‘Чеширских Котов среди теорий значения’.[1] Вы знаете об этом коте с головой без тела, который то исчезал, то появлялся, чем приводил Алису в недоумение, невзирая на то, что она знала, что находилась в стране чудес. С ‘этим котом’ следует срочно что-то сделать, и авторы материалов данной монографии, вместо того чтобы словесно тянуть не-существующего кота за хвост, уверенно начали работу над тем, чтобы помочь ему обзавестись телом.

Трое авторов подходят к проблеме ‘значения’ с разных, но дополняющих друг друга точек зрения. В первой работе мистер Поллок {Thomas Clark Pollock} чётко выявляет важнейший фактор неадекватности нынешней теории ‘значения’ {Айвора} Ричардса и приводит документированные свидетельства. Мистер Сполдин {John Gordon Spaulding} предпринимает первую попытку проанализировать механизмы этой неадекватности – их основание на неосознанных предположениях, ограниченных рамками аристотелевой системы и структуры языка. Работа мистера Рида {Allen Walker Read} включает рабочие аспекты разных теорий символизма и контекстных теорий ‘значения’, чем составляет современное эмпирическое исследование. Данными работами авторы проливают свет на некоторые базовые трудности в построении любых теорий ‘значения’, подходящих, чтобы охватить диапазон значимых человеческих реакций и, следовательно, адекватных действий.

Обозначить отличия между адекватной и неадекватной оценкой поможет пример. ‘… заяц замирает посреди поля и за счёт этого избегает обнаружения и смерти; тот же заяц замирает посреди шоссе, когда пугается света фар приближающегося автомобиля. Поведение, подходящее [адекватное] для одного окружения переносится в окружение, где его результат оказывается фатальным’.[2] Мы можем сказать, что ‘значение’ для зайца остаётся ‘одинаковым’ в обоих ‘контекстах’, но его оценка оказывается неадекватной выживанию во второй эмпирической ситуации. В учреждениях для ‘умственно’ больных пациенты изобилуют ‘значениями’ не меньше, чем любой другой из нас, – возможно даже больше – но из-за неадекватности их оценок адаптации к жизни, их пришлось огородить.

Подобные ситуации оценочной неадекватности случались в истории науки. Например, мы можем собрать каркасы и механизмы для автомобилей, самолётов, радиоприёмников и т. д., опираясь на классические эвклидовы и ньютоновы положения. Однако, чтобы заставить эти устройства работать, мы не можем адекватно опереться на те же положения, потому что в них не учитывается электричество, без которого они не заработают. В жизни мы испытываем подобные трудности с аристотелевой системой и её осознанными и неосознанными (или немыми) предположениями, на которых строились нынешние теории ‘значения’ и образования. Ориентирования, вытекающие из этих предположений могут работать в ‘заячьих’ течениях наших повседневных жизней, но их никак не удастся назвать адекватными эффективной оценке и, следовательно, разумности и здравомыслия в работе 1942 года. Это относится как к науке, так и к жизни.

---

1. Перефразированное высказывание доктора Престона. См. George H. Preston, Psychiatry for the Curious, Farrar & Rinehart, 1940, p. 7.

2. Там же, p. 15

Мы в своём большинстве не осознаём опасностей, таящихся в основах неадекватных теорий и вытекающих из них методов, которые неизбежно ведут нас в ложных направлениях. Мистер Поллок приводит то, что мы могли бы назвать ‘анамнезом’ одного примера такой теоретической неадекватности и следующих из неё смятений и затруднений в применении литературы к образованию.

Мистер Сполдин проводит анализ ситуации, отслеживая эффекты неосознанного предположения ‘тождества’ и следующего из него элементализма, чем придаёт форму теоретической позиции мистера Ричардса, невзирая на его высказывания об обратном. Эта работа послужит хорошим средством изучения некоторых последствий пренебрежения немыми предположениями, составляющими основу структуры нашего языка, которая задаёт наши невро-семантические и невро-языковые реакции.

* * * *

Чтобы выбраться из этих тупиков, нам придётся исследовать механизмы человеческой оценки методологически, чтобы выяснить, на что мы ориентируемся в поисках теории ‘значения’. Нам каким-то образом следует распознать сложные структуры, воздействию которых мы подвергаемся как символический класс жизни, и последствия этой острой проблемы.

Человек тяготеет к поиску ‘значений’ веками, и сейчас этот импульс усиливается всё интенсивнее. ‘Значение значения’, к которому человек тоже стремится, на деле представляет невро-семантический механизм второго порядка, способствующий адаптации организма-как-целого-в-средах.[3]

Тщательно рассмотрев теорию ‘значения значения’,[4] мы приходим к осознанию, что таковой может стать только биологическая теория оценки, основанная на эмпирических данных, полученных с помощью современного научного метода; такую теорию не получится разработать при ограничениях аристотелевых методов. Требуется организменный, реляционный {с учётом отношений} подход к оценке. Мы устали от замешательств, в которые нас приводят Чеширские теории ‘значения’. Их не удастся пересмотреть, оставаясь в пределах аристотелевой системы; однако анализ их неадекватностей может оказаться полезным.[5]

Мы учитываем множество базовых факторов, чтобы обосновать свою убеждённость, что в рамках аристотелевой системы представляется крайне трудным, если вообще возможным, построить адекватную теорию ‘значения’, подходящую для работы и обучения. Подробности ограничений и, следовательно, трудностей, вызванных аристотелевой системой, читатель может узнать, изучив не-аристотелеву методологию, объяснения которой приводятся в книге Наука и Здравомыслие; из этой методологии следует общая теория оценки.

Мы осознаём лишь малую часть жизненных последствий данных проблем, а передать их средствами аристотелевой методологии представляется весьма трудной задачей. Выдающийся математик-физик {Анри} Пуанкаре сказал: «Твёрдой решительности в подходе к эксперименту не хватит, потому что у нас остаются опасные гипотезы; первостепенную важность мы придаём тем из них, которые мы не высказали и не осознали. Из-за того, что мы строим их, сами того не зная, мы не находим в себе сил отбросить их» (НиЗ, с. {оригинала} 1). Философ {Джордж} Сантаяна добавляет к этому следующее: «Эмпирик… считает, что верит лишь в то, что он видит, но видеть у него получается не так успешно, как верить» (НиЗ, с. 1); демонстрацией служат научные принципы обмана, которые успешно применяют, чтобы показывать фокусы и вести войны (НиЗ, с. 4).

---

3. Альфред Коржибски, Общая семантика, психиатрия, психотерапия и профилактика, версия без сокращений, представленная на ежегодном собрании Американской психиатрической ассоциации в Цинциннати, в мае 1940, Институт общей семантики, Чикаго. Сокращённую версию, без следующих цитат, опубликовали в Американском психиатрическом журнале в сентябре 1941 года.

‘Следует заметить, что в человеческой жизни само-рефлексивность ведёт даже к «материальным» последствиям, что создаёт серьёзные трудности. Профессор Кассий Дж. Кайзер выражает это очень уместным образом: «Стоит нам указать, как становится очевидным факт, что характер человеческой истории, характер человеческого поведения и характер человеческих институтов зависят от того, что человек есть и, в равной степени, от того, что, как мы, люди, думаем, человек есть». Я считаю это глубоко правдивым.

‘Профессор Артур С. Эддингтон описывает эту же проблему следующими словами: «И тем не менее, говоря о природе вещей, это знание представляет собой лишь пустую оболочку – форму из символов; знания структурной формы, а не знания содержимого. Всюду по физическому миру течёт это неизвестное содержимое, которое, скорее всего, представляет собой нечто из нашего сознания. Здесь мы находим подсказку об аспектах глубокого мира физики, которых, однако, не удастся достичь методами физики. К тому же, мы выявили, что в тех областях, где наука зашла дальше всего, разум лишь вернул у природы то, что этот разум в природу вложил.

‘«Мы обнаружили странный след на побережье неизвестности. Мы разработали сложные теории, одну за другой, чтобы объяснить его происхождение. Наконец, нам удалось воссоздать образ существа, которое оставило след. Оказалось, что его оставили мы сами».

‘Доктор Алексис Каррель сформулировал эту проблему по-другому, но не менее подходящим образом: «Чтобы развиваться дальше, человеку придётся себя переделать. Это не обойдётся без страданий, потому что человек выступает как мрамором, так и скульптором»’.

4. К сожалению авторы тома с этим названием не произвели чего-то подобного такой теории – только многообещающее название.

5. Альфред Коржибски, Наука и Здравомыслие: Введение в Не-аристотелевы Системы и Общую Семантику, Science Press Printing Co., Lancaster, Pa., 2-е издание., 1941, сс. Xiii, xiv. Следующие ссылки на эту книгу приводятся в тексте с сокращённым названием НиЗ {S&S}.

Стоит привести ещё одну цитату Сантаяны: «Философия простого человека напоминает старую жену, которая его не радует, но он без неё жить не может, и обижается на всякую критику её характера со стороны незнакомцев».

Математик {Кассий} Кайзер говорит: «… когда мы выбираем принципы, или постулаты, мы бросаем кость – всё остальное следует абсолютно неизбежно, непреодолимо, неотвратимо – мы в одно мгновение подвергаемся судьбе последствий, которые ни человек, ни герой, ни Зевс, ни Яхве, ни иной бог не смогут сдержать, обратить или избежать».[6]

Мы могли бы продолжать приводить бесчисленные примеры подобной мудрости от самых выдающихся людей. Однако эту мудрость и огромное количество имеющихся знаний мы сегодня не можем ни передать, ни пустить в работу, потому что нам недостаёт доработанного методологического синтеза, который мы могли бы внедрить даже в начальное образование. Главная задача не-аристотелевой системы посредством её образа действий – общей семантики (экстенсионального метода) – состоит именно в том, чтобы сформулировать эту доступную мудрость так, чтобы она подходила для общего применения.

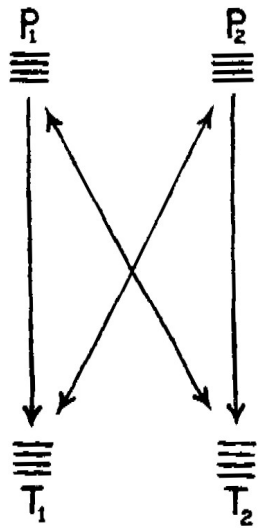

Рис. 1

Сопутствующей диаграммой мы показываем базовый невро-логический механизм, который работает в каждом из нас и может поспособствовать пониманию нашей ситуации. Взаимо-связь между постулатами и теоремами, в которых не учитывается участие невро-логических и жизненных подоплёк, открыли математики, в частности Эвклид. Сегодня это принимают как данное в науке. Своими исследованиями мы выявили, что можем обнаружить схожие связи в других человеческих ориентированиях, преобразовав неосознанные предположения в осознанные.

Символом (P_1) мы обозначаем набор {множество} осознанных или неосознанных предположений, или то, что мы можем назвать аксиомами, заветами, ‘очевидными истинами’, принципами, гипотезами, вероучениями, убеждениями, догмами, положениями или постулатами. Символом (T_1) мы обозначаем автоматические, более сложные последствия абстракций высокого порядка, которые мы можем назвать теориями, рационализациями, заключениями, мнениями, ориентированиями, отношениями {к чему-либо}, оценками и т. д. Они влияют на наши внутренние реакции, на которых мы основываем наши внешние действия. Похожим образом из другого набора предположений и т. д. (P_2) следует другой набор последствий и т. д. (T_2). Кайзер называет этот процесс «логической судьбой».

В науке, особенно в математике, мы обычно пытаемся преобразовать неосознанные предположения в осознанные, но не делаем этого в жизни, что часто ведёт к печальным последствиям. В жизни мы делаем что-то подобное разве что, когда проходим курс психотерапии, благодаря которому начинаем осознавать свои предположения. Здесь мы могли бы позволить себе широкое обобщение о том, что развитие науки и её ценность для человека, помимо прочего, зависит от того, насколько успешно её средствами удаётся преобразовать неосознанные предположений в осознанные. Мы также можем сказать, что большая часть психотерапии зависит от подобного процесса, чем мы связываем науку и здравомыслие. До недавнего времени мало кто выражал подозрения, что в структуре нашего языка тоже автоматически задействуются немые предположения, которые работают посредством процесса подоплёк {невысказанного подтекста, неявного присутствия чего-либо и т. д.}. Следовательно, если мы пользуемся языком элементалистической структуры, говоря о ‘пространстве’ и ‘времени’, ‘теле’ и ‘разуме’, ‘эмоциях’ и ‘интеллекте’, то мы формируем ложные по фактам немые предположения о том, что можем эти ‘сущности’ разделить, тогда как с такими сущностями не получится по факту иметь дело отдельно друг от друга; разделение остаётся только словесным. Кот без тела появляется только перед Алисой и только в Стране Чудес. В действительных обстоятельствах не получится перейти от (P_1) к (T_2) или от (P_2) к (T_1). Следуют лишь разногласия и ссоры.

В практических целях мы можем рассматривать (P_1) как набор предположений о мире и о самих себе, которым нас научили в младенчестве и детстве, и которые усугубились подоплёками структуры нашего повседневного языка. Из них следуют традиционные последствия (T_1), основанные на ложных ‘знаниях’. (P_2) мы можем рассматривать как пересмотренные предположения, которые мы основываем на современных научных данных и методах, из которых следуют последствия (T_2) науки и здравомыслия.

Волнистыми линиями x, y и z (Рис. 2) мы показываем нашу тщетную борьбу в попытках примирить непримиримости. Линиями y и z мы обозначаем неудовлетворённости, ощущения замешательства, недоумения, тревоги, фрустрации, страхов непонятного, таинственным миром, отчаяния и т. д. Жизненный смысл этой диаграммы передал поэт {Альфред} Хаусман: «Я чужестранцем живу в мире, который сам не создавал». Линией x мы обозначаем размытые и тревожные ощущения неадекватности, противоречия, конфликта между наукой и главенствующими понятиями жизни, пробелов в коммуникации, блокад в понимании, отсталости культуры, протеста, сомнения, разочарования, цинизма, беспомощности, безнадёжности и т. д. Эти ощущения уместно выразил другой поэт и драматург, Шекспир: «Прогнило что-то в королевстве Датском». Наблюдая хаос, в котором пребываем, мы ожидаемо чувствуем, что что-то прогнило в ситуации с нашим символическим классом жизни.

6. Cassius J. Keyser, Mathematical Philosophy, E. P. Dutton and Co., 1922, p. 136.

Нам следует осознать, что, не понимая невро-логические механизмы, мы преимущественно взаимодействуем с людьми посредством ограниченных, безнадёжно устаревших и часто опасных (P_1), тогда как пытаемся передать им ориентирования современной жизни (T_2), что при немых (P_1) едва ли представляется возможным. Это объясняет, почему образование и психотерапия – которую мы можем назвать «пере-образованием», – оказываются такими затруднительными и неэффективными. Если последовать нашему научному опыту, мы найдём вполне простое, но на практике нелёгкое, решение. Вместо того чтобы продолжать тщетно в замешательстве и недоумении ползти по извилистым линиям x, y и z, мы преобразуем неосознанные ошибки детского сада и языковые структурные предположения (P_1) в осознанные. Затем, как указывает стрелка A, мы просто пересматриваем (P_1) и этим пересмотром переходим к (P_2), из которых ориентирования современного мира и, следовательно, основания современного образования и здравомыслия (T_2) следуют автоматически – стрелка B. Опыт показывает, что за счёт этого пересмотра мы избавляемся от множества трудностей в образовании и личной адаптации. В образовании и психотерапии, мы работаем с учащимися и пациентами, неизменно следующими сценарию (P_1)↔(T_1), в то время как им приходится жить в борьбе с миром (T_2), проистекающим из (P_2). Следовательно, процессы, обозначенные волнистыми линиями x, y и z не помогут; помогут чётко определённые изменения, обозначенные стрелками A и B. Насколько мы знаем, такой пересмотр от аристотелевых к не-аристотелевым предположениям и, следовательно, системам впервые сформулировали в книге Наука и Здравомыслие.

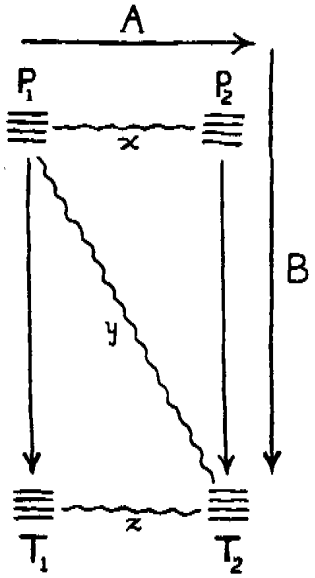

Рис. 2

Составлять новые адекватные «корковые чертежи», теории и т. д., (T_2), и ожидать, что они сработают, видится бесполезным до тех пор, пока мы остаёмся во власти своих неосознанных предположений (P_1). Именно это мы постоянно пытаемся делать в науке, образовании и, следовательно, в жизни и делах мира. Социо-антропологическими исследованиями удалось получить избыток данных, указывающих на то, что множество личных, народных и международных трагедий, включая нынешнюю, следуют, когда мы пренебрегаем взаимо-связями, обозначенными на диаграммах. Мы также можем понять, как формируются народные характеристики, которые в конечном счёте ведут к мировым войнам. А что мы можем сказать о наших малых частных войнах?

Прежде чем мы сможем решить любую проблему, нам следует осознать, что такая проблема действительно существует, и это относится к проблеме предположений и т. д., представленных в общем виде здесь. Очевидно, критика теорий в рамках старой системы приходится очень полезной, потому что заставляет нас осознать существование таких проблем. Нам требуются экстенсиональные не-аристотелевы методы работы с нашими невро-языковыми и невро-семантическими механизмами на основе пересмотренных предположений.

Нам следует подчеркнуть, что пренебрежение нижеизложенным может в крайних случаях вызвать ‘умственную’ или нервную дезорганизацию, или даже срыв.

* * * *

Здесь мы не можем привести больше подробностей. Мы просто укажем некоторые неадекватности и ограничения устаревшей аристотелевой системы, которые сегодня, в изменившихся условиях, не могут согласоваться с известными нам фактами.

Аристотелева система, состоящая в строгой круговой взаимосвязи со структурой нашего повседневного языка, несёт, помимо прочих, следующие осознанные или неосознанные (немые) предположения:

1) Убеждение в том, что субъектно-предикатной формой представления мы можем охватить научные и жизненные потребности. Субъекто-предикатной формой мы несём подоплёку антропомофрического статического мира ‘субстанции’, ‘абсолютных сущностей’, ‘качеств’, ‘свойств’ и т. д., созданных человеческой нервной системой (НиЗ, сс. 62, 371 и далее). Этой формой не удастся адекватно охватить динамический мир процессов, где даже ‘свойства’ атома зависят от динамических отношений электронной структуры.

Здесь уместным видится процитировать {Бертрана} Рассела: «Убеждение, или неосознанная убеждённость [предположение], в том, что все пропозиции имеют субъектно-предикатную форму – иными словами, что каждый факт состоит из какой-то вещи, обладающей каким-то качеством – лишил большинство философов способности описывать мир науки и повседневной жизни» (НиЗ, с. 85). Стоит также привести цитату {Альфреда Норт} Уайтхеда: «… субъектно-предикатные привычки мысли окостенели в европейском разуме от вездесущей аристотелевой логики в ходе длительного средневекового периода. Говоря о таком изворотe разума, сам Аристотель, скорее всего, не практиковал аристотелевы взгляды» (НиЗ, с. 85).

Как схожесть, так и отличие предикатов представляют симметрические отношения; ими не получится охватить асимметрические отношения. Однако стоит снова процитировать Рассела: «Асимметрические отношения имеют место во всех рядах: в пространстве и времени, большем и меньшем, целом и части и многих других важнейших характеристиках

действительного мира. В связи со всеми этими аспектами на приходится признать логику, в которой мы сводим всё к субъектам и предикатам, ошибочной и поверхностной» (НиЗ, с. 188).

2) Убеждение, что жизнь и науку удастся охватить {объяснить} либо истинными, либо ложными пропозициями (дву-значное ориентирование). В жизни мы большей частью имеем дело с ни истинными, ни ложными пропозициональными функциями, которые в лучшем случае остаются не-определёнными до тех пор, пока мы не присвоим значения[7] переменным – пока не применим экстенсиональные приёмы: индексы, даты и т. д., чтобы знать, о чём мы говорим в мире ‘степеней’ и этапов процессов. Например, если мы скажем: «Человеческая природа есть (обладает ‘свойствами’) то(го)-то и то(го)-то», это обобщение в жизни оказывается не истинным, не ложным, а не-определённым. Грамматически мы могли бы рассматривать это как пропозицию, однако, в действительной жизни, ‘человеческая природа’ функционирует как переменная, поэтому это высказывание представляет пропозициональную функцию, пока мы не присвоили значение переменной и не сказали: «Природа Смита$_1$ 1942 Токио есть то-то и то-то». За счёт этого, высказывание становится пропозицией как в жизни, так и в грамматике, и по наблюдению может оказаться истинным или ложным. Если мы не осознаём эти проблемы, то мы неизбежно ориентируемся по традиционной грамматической структуре и, следовательно, практикуем соответствующие взгляды, в которые не входят в последние научные шаги развития, требующие новых ориентирований. Мы привычно обращаемся с пропозициональными функциями (обобщениями, в которых фигурируют переменные) как с пропозициями, из-за чего приводим свою жизнь, и даже науку, в беспорядок. Мы, тем не менее, естественно нуждаемся в обобщениях, но за счёт новых, пересмотренных взглядов $(P_2)\leftrightarrow(T_2)$, описанных здесь, не станем доверять своим обобщениям как таковым, потому что выработаем осознанность абстрагирования (НиЗ, Часть VII). Иными словами, из-за нашего традиционного обучения, мы отождествляем в жизни дву-значные пропозиции с бесконечно-значными пропозициональными функциями, и за это отождествление нам часто приходится дорого расплачиваться.

Подобным образом в области ‘теорий’ или доктрин мы имеем дело большей частью с доктринальными функциями, в которых фигурируют переменные (НиЗ, с. 144 и далее). Кайзер написал: «… в наших постулатах и теоремах функционируют переменные; давайте представим себе постулаты и теоремы как Целое – чётко определённое Воплощение логически взаимоотносящихся ни истинных, ни ложных пропозициональных функций. Постулаты подразумевают {влекут за собой; заключают в себе и т. д.} теоремы». И далее: «В браке с предметом {темой; подлежащим и т. д.} Доктринальная Функция становится матрицей из бесконечных семейных доктрин; дети наследуют форму матери».[8] Осознание сказанного здесь может повлиять на тех, кто имеет дело с теориями и избавить от бесконечных научных препирательств.

В некотором смысле, сказанное здесь может оказаться главным затруднением, решив которое удастся перейти от старых макроскопических аристотелевых ориентирований к новым не-аристотелевым субмикроскопическим динамически-процессуальным ориентированиям. Повторим, мы в действительности живём по бесконечно-значным пропозициональным функциям и доктринальным функциям, но считаем их дву-значными пропозициями или доктринами. Здесь мы можем отметить, что чтобы научное исследование приносило пользу, в него следует включать применения к жизни, что зависит от подходящих для обучения методологических формулировок. Мы настоятельно рекомендуем читателю оглянуться на собственную жизнь и перевести приведённые здесь общие объяснения в термины своей личной жизни. За счёт этого ему удастся понять значимость присвоения значения переменной.

3) Убеждение в уникальной обоснованности дву-значного ‘либо-либо’ ориентирования, встроенного даже в структуру нашего языка и автоматически ведущего к ригидным, негибким элементилистическим ориентированиям. В старом, менее сложном мире нам удавалось уживаться с ригидной дву-значной определённостью аристотелевой системы, истинно-ложными типами реакций, которые мы модифицировали по необходимости с помощью интуитивного ‘здравого смысла’. Однако мы пытаемся ориентироваться дву-значно в не-дву-значных фактах природы и жизни; они требуют больше гибкости и много-значных ориентирований максимальной вероятности, что демонстрируют потребности современной физики и математики.[9]

4) Убеждение в том, что тождество как ‘абсолютная одинаковость во всех отношениях’ действительно существует в этом мире. Из этого следует убеждение, что макроскопический ‘объект’ ‘тождественен’ самому себе, тогда как мы знаем, что такого в мире субмикроскопических электронных процессов попросту не происходит. В свете этого, данное убеждение становится не просто ложным по фактам, но и, принятое в качестве стандарта ориентирования, крайне опасным. Применяя систему, в которой базово предполагается тождество, мы неизбежно учимся отождествлять. Психиатры хорошо знают о зловещей роли отождествлений в ‘умственных’ заболеваниях. Однако мы в большинстве, включая даже

---

7. {п. к п. Без кавычек, потому что речь идёт о присвоении значения. В оригинале употребляется слово “value” – «значение» в математическом контексте; ‘значением’ в одинарных кавычках переводится слово “meaning” – «значение» в контексте слов, образов и т. д.}

8. Cassius J. Keyser, указ. соч., сс. 57, 59.

9. Charles Galton Darwin, “Logic and Probability in Physics,” Science, August 19, 1938, pp. 155-160. Barkley Rosser, “On the Many-Valued Logics,” American Journal of Physics, Vol. 9, No. 4, August, 1941, pp. 207-212. Herman Weyl, “The Mathematical Way of Thinking”, Science, November 15, 1940, pp. 437-446.

психиатров, совсем не осознаём, что отождествления меньшей степени могут разрушительно сказываться на жизни (НиЗ, сс. xiv, xv). Говоря по наблюдениям, мы пришли к заключению, что, если мы оставим в нашем ориентировании хоть какой-то след ‘тождества’ и, следовательно, отождествлений, то в мире не-тождества мы продолжим неизменно приходить к жизненным замешательствам. Формалисты (математики, ‘логики’ и т. д.), по-видимому, до сих пор не могут осознать жизненные последствия структуры языка и их собственной работы, и рассмотреть язык как проблему жизни. Они настойчиво продолжают применять термины ‘тождество’ и ‘отождествления’ абстрактно, забывая о том, что процесс жизни происходит эмпирически действительно, а не просто как словесная абстракция. Мы можем лишь посоветовать заинтересованным людям пройти несколько месяцев обучения в больницах для ‘умственно’ больных. Так они смогут убедиться на опыте, к чему ведёт бегство и жизнь в вымышленном мире абстракций. Очевидно, мы не отрицаем, что к любому рациональному дискурсу нам обязательно требуется постулировать принцип символической одновалентности.[10] Однако таковым точно не следует избирать ‘тождество’.

5) Убеждение в том, что принципом аддитивности {слагаемости} (известной в математике как линейность) удастся адекватно охватить все отношения, имеющие место в областях научных и жизненных процессов; подоплёку этого убеждения мы несём словом из одной буквы – и. С недавних пор мы знаем, что мир и жизнь своими базовыми функциональными аспектами не складываются аддитивно (НиЗ, Гл. XXXIII). Для простого примера, один галлон спирта и один галлон воды, смешанные вместе, не составляют два галлона жидкости, потому что имеют место основательные, но пока непонятые субмикроскопические процессы. Естественно, до развития современной науки мы учитывали только простые макроскопические проблемы и постепенно выработали аддитивный взгляд и язык, чтобы с ними работать. Касаемо осложнений, вызываемых словом «и», нам стоит упомянуть, что физики обнаружили, что у них не получается вести свою современную работу адекватно средствами старой дву-значной ‘логики’. Им пришлось обратиться к математикам, чтобы те создали много-значную ‘логику’. В традиционной дву-значной ‘логике’ мы работали только с одним «и»; в трёх-значной ‘логике’ мы работаем уже с 256 «и», а в четырёх-значной ‘логике’ работаем с миллионами.[11] Не стоит принимать сказанное здесь об «и» за одиночный случай. Каким образом без рассмотрения таких действительных языковых условий мы можем построить теории ‘значения’?

6) Убеждение в том, что в науке и жизни мы можем определить все наши термины и доказать все наши высказывания. По исследованию обнаруживается, что в любой системе и её соответствующем языке мы, в конечном счёте, полагаемся на ряд неопределённых терминов, которые служат ярлыками для прямого опыта не на словесном уровне, и которые следует рассматривать как предположения и, следовательно, как переменные (НиЗ, с. 151 и далее). Эту ситуацию ёмко резюмировал Кайзер: «Если он спорит, вполне ожидаемо, утверждая, что дал определение всем своим терминам и привёл доказательства всех своих пропозиций, значит либо он умеет творить логические чудеса, либо не отличается умом; и, я думаю, мы можем согласиться, что логических чудес пока ещё никто не совершал».[12]

Мы привели далеко не полный список предположений. Больше основных отличий между аристотелевой и не-аристотелевой системами мы указали в таблице на страницах xx, xxi и xxii второго издания Науки и Здравомыслия.

* * * *

В аристотелевой системе существуют и другие оставленные без внимания базовые факторы, которые воздействуют на науку и жизнь. Эти факторы сопровождают нас, мы не можем их избежать, и наше пренебрежение ими ведёт к очень серьёзным трудностям. Теоретически мы можем рассматривать своё пренебрежение как ошибки по недосмотру, но в жизни они оказываются ошибками по нарушению {‘правил’ и т. д.}, потому что в них имеют место неосознанные предположения (‘всеобъемлемость’, ‘тождество’ и т. д.), за счёт чего они становятся фундаментом для строительства настоящих преград оценке. Мы, по-видимому, позволяем себе весьма обобщающее высказывание, потому что нам всегда удастся обнаружить осново-составляющие неосознанные предположения с помощью тщательного анализа пережитых недосмотров. Нам не хватит места, чтобы перевести каждую из следующих ошибок по недосмотру в ошибку по нарушению, но читатель сможет легко справиться с этой задачей самостоятельно. Именно в этом состоит цель образования, научного метода и психотерапии – привести нас к осознанию ошибок по недосмотру, указать на действующие неосознанные предположения, лежащие в их основе, и таким образом, предотвратить неадекватную оценку в жизни. Здесь мы сможем упомянуть лишь несколько ошибок по недосмотру. Например:

1) Пренебрежение невро-языковыми и невро-семантическими средами как средой, уникальной для символического класса жизни. Этих факторов удастся избежать не проще, чем воздуха или воды. Они могут производить на нас катастрофические эффекты, и мы знаем достаточно о факторах среды, например, о профзаболеваниях, чтобы осознать опасность такого пренебрежения.

---

10. Oliver L. Reiser, The Promise of Scientific Humanism, Oskar Piest, 1941, pp. 50, 69, 84.

11. Barkley Rosser, указ. соч.

12. Cassius J. Keyser, указ. соч., с. 152.

2) Пренебрежение структурой языка как таковой и её автоматическими влияниями на наши ориентирования. Присутствие или отсутствие предположения о ‘тождестве’ может сделать структуру языка элементалистической или не-элементалистической, интенсиональной или экстенсиональной, субъекто-предикатной или функциональной и т. д.

3) Пренебрежение многопорядковостью наших важнейших терминов, таких как ‘да’, ‘нет’, ‘истинно’, ‘ложно’, ‘факт’, ‘реальность’, ‘любовь’, ‘ненависть’ и т. д. (См. алфавитный указатель, Наука и Здравомыслие). Мы применяем их на всех уровнях абстракции, но на каждом уровне они могут ссылаться на разное экстенсиональное содержимое и, следовательно, значения.

4) Пренебрежение $\frac{недо}{пере}$определённым характером большинства наших терминов в зависимости от того, относимся мы к языку интенсионально или экстенсионально (НиЗ, сс. xxxiii-xxxvii).

5) В традиционной системе ориентирования мы пренебрегаем ролью человеческой нервной системы, от чего теории ‘значения’ и даже психиатрия приобретают свой характер Чеширского Кота.[13] Очевидно, любую теорию, если мы хотим с её помощью адекватно объяснить человеческие реакции и, следовательно, действия, следует открыто соотносить со структурой и функцией человеческой нервной системы. Рассмотрение основ нейропсихиатрии, математики, математической логики и т. д., а также их методов, представляется необходимым, чтобы прояснить множество задач построения любой теории ‘значения’.

* * * *

Мы предостерегаем читателя от спутывания традиционной «семантики» (аристотелевых теорий ‘значения’ и т. д.) с «общей семантикой» (образом действия не-аристотелевой системы). Общей семантикой мы формулируем эмпирическую естественную науку, основанную на действиях и реакциях человеческой нервной системы. Она работает как общая теория оценки нервной-системой-в-некой-среде, и мало как, если вообще, относится к ‘значению’ в академическом смысле.

Трое авторов этой монографии, каждый со своим подходом, проделали тщательную работу в попытках привести в порядок рассматриваемые вопросы. Однако, в силу сложности проблем, многое ещё предстоит сделать.

Редакторы и издатели останутся довольны, если данная монография простимулирует интерес к этим актуальным и сложным проблемам, и тем самым поведёт к дальнейшим исследованиям и формулировкам, применимым на всех этапах человеческой жизни, даже в начальном образовании.

А. КОРЖИБСКИ

М. КЕНДИГ

Чикаго, Июнь 1942

“”

‘’

13. George H. Preston, указ. соч., pp. 7, 8.